

Талап Кабденович Кабденов – генерал-майор внутренней службы в отставке, заслуженный работник МВД РК, возглавлял Костанайскую академию МВД РК имени Ш. Кабылбаева и Академию Министерства внутренних дел РК, другие высшие учебные заведения системы МВД.

Представляем читателям главы книги воспоминаний Т. Кабденова «Жизнь моя – река большая». Читатель узнает, как мальчишка-сирота при поддержке земляков упорно овладевал знаниями и профессией, становился на крыло, утверждался в обществе и на производстве и в конце концов избрал путь офицера-воспитателя, педагога и руководителя высших учебных заведений МВД СССР и Республики Казахстан. Вспоминая службу, автор подробно рассказывает о становлении учебных заведений МВД в суверенное время, с каким трудом сохранялась система высшей школы правоохранительных органов, тепло и сердечно вспоминает руководителей высшего звена Министерства внутренних дел страны и офицеров-преподавателей, служивших под его началом. С документальной правдивостью и точностью Талап Кабденович описывает быт казахского семейного уклада, размышляет и анализирует по прошествии десятков лет о той эпохе, в которой прошла большая часть жизни, и приходит к обоснованным выводам: каждый из нас способен и обязан сделать себя сам – выучиться, стать профессионалом, постигать мудрость предков, впитывать любовь к родине, учиться вновь и вновь, чтобы с годами накопленную мудрость и знания передавать детям, ученикам, быть участливым ко всем, кто обращается к тебе за помощью. Примечательно, что автор включил в книгу письма и дневники своей матери, в которых достоверно отражается жизнь послевоенных лет.

Талап КАБДЕНОВ

ЖИЗНЬ МОЯ – РЕКА БОЛЬШАЯ

Фрагменты из книги

...Говорят, каждый человек, пришедший на эту землю, проживает судьбу, что предначертана свыше. Еще ребенком я не раз ломал себе голову, желая узнать, почему одни люди достигают в жизни благополучия, уважения, почета, а другие влачат жалкое существование? Почему одни, чтобы получить образование, обрести новое пристанище, переменить судьбу, не двинутся с места, а другие едут за тридевять земель, учатся, обретают профессии? Они тоскуют по родному очагу, но не в силах вернуться назад. Высший человеческий Долг – быть полезным своему народу – заставляет их быть на своем посту: учиться, трудиться, растить детей, уважать сограждан. И не всегда люди покидают малую родину по своему желанию...

...В 1952 году, когда я закончил первый класс, в наш аул пришли суровые люди – представители власти. Они за одну ночь сорвали нас с насиженных мест и подготовили к переселению. Сидя в кузове машины-полуторки, я долго смотрел на удаляющийся от меня родной аул. Как же мне не хотелось расставаться с односельчанами! Сегодня задумываюсь и понимаю, какой жесткий урок давала мне жизнь. А тогда... Откуда мне, покидавшему родной очаг семилетнему мальчику, было знать, что той тоски, что охватила меня в момент исчезновения нашего жилища из вида, хватит на всю оставшуюся жизнь...

С тех пор, так уж служебной судьбой повелось, не один десяток лет я скитаюсь и живу в разных краях. Увы, в молодости не так высоко ценишь соплеменников, сородичей. Но с возрастом глубоко засевшая в груди тоска не дает покоя, заставляет оглядываться назад – а вдруг да остался нетронутым наш родной очаг? И как же точно смог передать поэт человеческую тоску, задев самые тонкие струны сердца: «Когда чужбина или дальний путь уже не в радость, дымы отеческого края тебе – сладость».

...Мой родной аул, место, земля, на которой я родился – это село Теректы Бокейординского района Западно-Казахстанской области. Сегодня это совсем небольшой населенный пункт – в преддверье Нарынских песков осталось всего несколько домов. Но было время, когда об этом плодородном крае, изобилующем историческими событиями, писали многие из тех, кто умел держать в руках перо.

Здесь мой Бесік

Появился я на свет в маленьком ауле Теректы, что с конца восемнадцатого века мои предки основали у самых Нарынских песков. Мать моя, Зейнеп – потомок одного из двенадцати биев Жангирхана – жаңбыршы Балкы Кудайбергеноулы, что из племени Беріш – была хорошо образована, людьми считалась человеком дальновидным, здравомыслящим, рассудительным. Ее спокойная, всегда наполненная глубинным смыслом речь расцветивалась пословицами и поговорками, известными метафорами и изречениями именитых личностей. Всегда и все слушали её с удовольствием. Она была увлечена чтением. Даже в последние годы жизни мама испытывала дискомфорт, если не удавалось пообщаться с книгой. Она прекрасно владела пером и записала воспоминания о прожитом. С первых же страниц я не мог не восхититься ее слогом и прекрасной памятью, благодаря которой она без искажений, до малейших подробностей описала истории и ситуации более чем семидесятилетней давности.

Мама пишет: «...15 мая 1945 года у нас появился первенец. Наше счастье – рождение сына и Великую Победу в кровопролитной войне мы с супругом решили отпраздновать одновременно. Радость от долгожданной победы переполняла сердца. Мою свекровь с ее снохами и всех женщин нашего крохотного аула от мала до велика собрали мы на праздник. Вдруг одна почтенная старушка, сидевшая во главе стола, вытащила из подмышки газету, передала его сидевшей рядом женщине и властно сказала: “Читай!” Та прочла вслух: “Женис...” и с недоумением посмотрела на окружающих. Старушка, выдержав паузу, объявила: “Назовем малыша Женисом”, – и выразительно посмотрела на мою свекровь.

У нас в ауле был тогда многоуважаемый управляющий по имени Каймолдин Кабдырахим. Его авторитет был настолько мощным, что никто не смел ему перечить. Именно в тот день его семья по распоряжению местной исполнительной власти переселялась в другой колхоз. Мать этого Кабдырахима Улпеш, царство ей небесное, возьми и скажи: “Дорогие мои, мы вынуждены сегодня переехать отсюда, потому позвольте, имя этому малышу дам я. Хочу назвать этого джигита Талап. Когда настанут спокойные светлые времена,

именно среди этих детей будет много упорной, целеустремленной молодежи». Она аккуратно взяла ребенка на руки и стала укладывать в колыбель. И все присутствовавшие там женщины бурно поддержали это имя...» Вот так, под обряд с чтением азана было дано мне имя Талап, то есть, по-русски – Стремящийся, Добывающийся.

Наш народ всегда веровал в приметы. Замечал изменения погоды или состояния животных, почитал то, что предрекало хорошие перспективы. Так и к выбору имени для новорожденного люди, полагаю, относились с особым трепетом и большой ответственностью. Если вы почитаете произведение Мухтара Шаханова «Почему меня назвали Мухтаром», вы непременно согласитесь с моим мнением. В имени каждого человека есть дар Всевышнего Аллаха, предначертание судьбы. И я безмерно благодарен Улпеш аже, счастья ей в двух мирах, которая назвала меня Талапом. Если, оглянувшись назад, проанализировать мой жизненный путь, станет несомненным то, что я, действительно, всегда упорно трудясь, стремился вперед. Не зря в народе говорится: «Для целеустремленного мужчины – и удача в придачу».

Увы, жизнь коротка. Она лишь тогда будет наполнена смыслом, если человек неустанно стремится к поставленным самим собой благим целям.

Первый переезд

Лев Толстой писал: «Характер человека формируется до пяти лет. Если криво посадить дерево, оно вырастет кривым, если ровно – ровным». И эта мысль великого писателя перекликается с принципами нашего традиционного воспитания и как нельзя лучше передает национальные традиции семьи. Мое «дерево», как и у большинства мальчишек в ауле, было посажено отцом.

Папа был неразговорчив. Сколько себя помню, я всё время старался быть на него похожим. Мне было куда приятнее выполнять его задания и видеть в отцовских глазах довольную благодарность, нежели попусту бегать со сверстниками.

Хоть и были в те послевоенные годы люди полуголодными, но жили очень дружно. Во всем ауле детвора ощущала себя принадлежностью к одной большой семье, в которой царили спокойствие и безмятежность. Мы, аульчане, считали наступивший мир подлинным счастьем.

Но одним весенним днем 1952 года в наш аул постучалась всеобщая беда. Пришла она так неожиданно-негаданно, как если бы в ожившую природу внезапно вторглась зима.

Однажды вечером, когда мы с пацанами от души резвились на лугу, раздался страшный грохот. Во всех уголках аула заревела скотина. Коровы, лошади, бараны заметались в загонах. Люди остолбенели: неужели снова война?! Как же так?!? Вся западная сторона темнеющего неба налилась багровым светом. Не понимая, что случилось, мы, пацаны, застыли на месте. Из домов повыскакивали все. Старики и бабульки запричитали: «Астафираллах! Ой-бай!» Через секунды в небе образовалось огромное, напоминающее гриб облако. Матери взывали к Всевышнему: «О, Боже, сохрани и помилуй!»

К утру облако развеялось. Грохот больше не повторился. После этого случая трудно было встретить в ауле радостного человека. Даже улыбающихся не стало. А мы, дети, не ломали головы и не особо задавались вопросом: почему помрачнели мамы и папы, аташки и эжеки? Жизнь, как и весна, продолжалась: на лугах подрастала молодая травка, на кустарниках и деревьях распушались зеленые листья. Всё тянулось к свету и теплу. И мы росли.

В аул зачастили люди в кожаных куртках. У них были суровые лица. Через некоторое время некогда безмятежно жившие аульчане стали роптать:

«Почему угоняют скот?» Из аула изымался весь скот, и колхозный, и тот, что имелся у людей. «Почему нам предлагают переселяться?» И не уговаривают, а приказывают. Открытого бунта не случилось – власть сильна. Потихоньку, по-маленьку все аульчаны, что называется, уселись на тюки с домашним скарбом.

Помню, что и в моей маленькой голове время от времени возникал вопрос о предстоящей дальней дороге. Но куда мы отправимся? – непонятно! И однажды к нашему дому подъехала никем ранее не виданная большая черная машина. Молодые парни из соседних домов дружно загрузили в кузов заранее приготовленный наш узорчатый сундук и пожитки еще трех семей. Мы двинулись в путь, сами не зная, куда едем. Сказать «двинулись» – это не сказать ни о чем. Только завелся мотор машины, бабушки, столько лет жившие бок о бок, тут же во весь голос запричитали. Мужчины в бессильном гневе склонили головы...

Караван машин двигался медленно. Мы смотрели из кузовов друг на дружку, и вдруг я понял: отца нигде не видно. Неужели папа с нами не поедет? Мысли жгли мою душу, к горлу подкатывал комок. Но я не позволял себе плакать. Папа бы этого не одобрил. Потом я догадался, что в это время он был занят перегоном колхозного скота.

Всю дорогу бабушки причитали, прощались с родным аулом: «Чем же мы прогневали Господа, в чем провинились перед ним, чтобы вот так, в мирное время нас лишили земли предков?! За что нас, добрых соседей, разъединили? Настанет ли теперь день, когда мы встретимся вновь?!»

Когда видишь горькие слезы матерей, невольно и у самого слезы наворачиваются на глаза. Думаю, не только я, но все дети почувствовали, как тяжело расставаться с родным краем. Вот так! – в столь раннем возрасте мне довелось испытать всю горечь расставания с родиной.

Машина (как я позже узнал, это был американский «Студебеккер»), перевозившая нас вместе с грузом, медленно двигалась в направлении реки Жайык (Урал). В кузове грузовика находились мои младшие братья Канат, Билял и соседские дети. Закутанный в пеленки Билял всё время плакал. Мама давала ему грудь, и он ненадолго успокаивался. Канату было чуть больше трех лет, и он тоже каждый раз поднимал рев. Борясь со всеми трудностями дальнего пути, который продлился, возможно, около недели, мы добрались до села Кырыккудык нынешнего Тайпакского района...

Что же произошло в тот год? Зачем переселяли целые аулы? Люди этого не просили, жили на древней отчей земле, трудились, приносили пользу стране. Ответ очевиден. Причиной людского горя стало решение Политбюро КПСС об организации ядерных полигонов. Спустя годы мы узнали, что помимо полигона в Семее, на границе Атырауской и Западно-Казахстанской областей был полигон Азгыр. В первые годы людям, проживающим в близлежащих к полигону Азгыр районах, о радиационной опасности даже не сообщили. Некоторые колхозные посевные поля были в нескольких сотнях метров от мощных источников радиоактивного излучения! Вот и весь секрет внезапного переселения жителей нашего мирно существовавшего аула.

В 1952 году наш Ордынский район был расформирован, и основная его территория – соленое озеро Хаки, Нарынкум, часть территории Азгыр вместе с песчаными землями Уштаган Жанакалинского района – были переданы Министерству обороны для создания военного ядерного полигона. Цель – проведение испытаний нового вида оружия...

Время не способно заглушить боль и душевные муки от пережитого. Мои односельчане возмужали, стали рассудительными, мудрыми. Выбились в руководители больших коллективов. Но трагедия родного аула, где бы мы ни

находились, всегда отзывалась грохотом пережитого взрыва. Этот набат до сих пор стучит и в моем сердце.

На новом месте

Мой отец был заместителем председателя колхоза и Героем Социалистического Труда, и такого дома, что можно было ему предоставить, сразу не нашлось. К тому же по природе своей был он человеком скромным и не требовал к себе особого внимания. Хотя, как инвалид, потерявший на войне ногу, имел на то все основания. Потому нам всем пришлось поселиться в доме чабана, который находился в десяти километрах от колхоза. Чабан Кыдыр-ага с женой и детьми жил в землянке. А нам досталась его зимовка. Где-то около полумесяца нам пришлось жить у него вместе с другими людьми. Было лето, и мы спали на улице. Чтобы нас не покусали каракурты или скорпионы, бабушка отгораживала нашу постель со всех сторон арканом, скрученным из конской гривы.

У казахов есть такой обычай – «ерулік беру», когда приглашают в гости и угощают прикочевавших людей. Это делалось для более тесного знакомства с новыми соседями в непринужденной обстановке за чашкой чая с пожеланиями удачи на новом месте. Но времена были послевоенные, полуголодные, и семья Кыдыр-ага не смогла пригласить нас на ерулік. Какие возможности могут быть у простого чабана, живущего на отшибе, в безлюдном месте? По совету бабушки мы сами решили пригласить соседей в гости. Дети были в восторге от этой новости – знали, что всё самое вкусное, что готовится для гостей, достанется в первую очередь им. Когда гости собрались, бабушка сказала мне: «Талапжан, пойди-ка к соседям и позови невестку, пусть побудет среди нас». Я помчался к ней со всех ног и дословно передал: «Апай, Вас зовут, чтобы тоже вместе с гостями посидели». Это была молодая красивая женщина чуть старше двадцати лет. «Мне нечего надеть, мое единственное платье надела свекровь, чтобы пойти к вам в гости», – ответила она с грустью. Ах, как мне в тот миг стало жаль красавицу! Казалось бы, сам по себе этот эпизод не может называться событием, а вот врезался в память на всю жизнь...

Я хорошо запомнил, как после, когда гости стали расходиться, бабушка вручила жене Кыдыра-чабана свое желтое платье из сатина. Вот такой мы народ: не забываем вкус опаленной овечьей головы, что делилась на всех во время голода.

В зимовке Кыдыр-ага мы прожили всё лето. Бабушка всё время через меня то пшено им передавала, то масло сливочное. У них тоже были малолетние дети. Так мы и жили, сросшись семьями, в открытой степи, помогая друг другу, поддерживая и делясь всем, чем могли.

Когда наш дом в Кырыккудыке был достроен и мы должны были уезжать, семья Кыдыр-ага провожала нас с большой грустью.

Я давно заметил, человек – такое существо, которое голод переносит лучше, чем сытость. И вот я задаюсь вопросом: когда же некоторые люди перестали довольствоваться тем, что имеют? В каком бы достатке они ни жили, всё равно начинают стараться приблизиться к более богатым.

С обретением нашей страной Независимости изменилось многое. Появились новые понятия, такие как «приватизация», «частная собственность». Всё правильно. Не могу не согласиться с тем, что для развития экономики и улучшения благосостояния народа производства и предприятия должны быть в руках индивидуальных предпринимателей. Мы видим положительные результаты этого. Но, как говорится, у медали две стороны: по отношению к частной собственности у многих будто бы изменилось мировоззрение, но растерялись

годами культивируемые и накопленные нравственные ценности. И сейчас, мне кажется, всё реже и реже можно встретить людей, которые, как раньше, в послевоенные годы, могли бы поделиться хлебом, разделить с вами и радость, и горе. Интересно, во что выльется, чем обернется эта яростная погоня за богатством, чрезмерное увлечение материальными ценностями, личными благами? Конечно, никто не против, чтобы все жили в достатке и добивались для себя и близких благополучия. Но мы, похоже, чересчур увлеклись материальным миром. Остается только надеяться, что всё это не приведет ни к чему плохому.

...1953-й год для нас был очень тяжелым и нанес немало сердечных ран: нас изгнали из родного края; мы понесли невосполнимую утрату, потеряли кусочек своего сердца – моего родного братика. И никто не мог подумать, что самое страшное нас ждёт впереди – совсем скоро трагически погибнет отец, глава нашей семьи. Он, человек без ноги, после окончания партшколы поедет в областной центр за новым назначением, а на обратном пути попадет в нередко случавшееся на реке Урал волнение. Лодка перевернется...

Мой второй родной дом

...В роковом для нашей семьи 1960 году, сразу же после смерти отца, 29 августа меня отправили учиться в пансион № 11 в город Уральск. Ныне он носит имя Сакена Сейфуллина. Вот где я убедился в правоте советского постулата из так называемого «Морального кодекса строителей коммунизма» – «Человек человеку – друг, товарищ и брат!». Большинство воспитанников там – ребята, чьи судьбы схожи с моей. И примерно сорок процентов из нас были круглыми сиротами, их сюда перевели из детских домов. Четыре года, проведенные в стенах этого учебного заведения, научили меня многому. Я жил и рос, чувствуя доброту, любовь, заботу окружающих, готовность людей помочь друг другу в трудную минуту. Для ребенка, оставшегося без отца, всё это было большой морально-нравственной поддержкой. Пансион стал для меня вторым родным домом. Расскажу вам о нем.

В 1924 году по предложению председателя Совета Народных Комиссаров Казахской АССР Сакена Сейфуллина пансион был открыт как семилетняя казахская школа первого и второго уровней. За свою многолетнюю историю он претерпел множество реформ. Так, в 1936 году, будучи одной из трех средних школ в Казахстане, он занимал значимое место в системе образования страны. 22 мая 1964 года учебному заведению было присвоено имя государственного деятеля Сакена Сейфуллина. После обретения независимости, в 1991 году, здесь образовали школу-интернат. 8 декабря 1999 года школа получила статус комплекса областной казахской школы-интерната для одаренных детей им. С. Сейфуллина. Из ее классов было выпущено много талантливой, грамотной, целеустремленной молодежи. Многие впоследствии стали видными представителями страны. В далеком 1981 году доктор филологических наук, профессор, выпускник этой школы Тауман Амандосов выразил искреннюю благодарность такими словами: «Преклоняю свою седую голову перед дорогой школой, давшей мне знания и открывшей невиданные горизонты». Вот и я, далеко перешагнувший возраст пророка, тысячи раз преклоняю свою покрытую сединой голову перед школой, ставшей мне вторым родным очагом, где прошли самые счастливые годы.

В пансионе у нас и еда, и одежда, и жилье, и учебники – всё было за государственный счет. В то время воспитанию подрастающего поколения уделялось большое внимание. Была задача – дать самое лучшее детям. А для сирот старались особенно – дарили тепло и ласку. Я уверен, что всё это – глубоко

продуманные действия правительства, забота о будущем. И такое бескорыстное, теплое отношение со стороны государства и окружающих пробуждало в детских сердцах любовь к родине. Другими словами, воспитанники пансиона росли настоящими патриотами, готовыми ради своей страны жизни отдать. Директор пансиона Халел Досмагамбетов на вид казался строгим человеком – таким было выражение его лица. Сейчас я понимаю, что он все-таки был необыкновенно добрым человеком. Участник войны. Вернулся с фронта в звании майора. Хоть и ругал иногда в процессе работы учителей, но когда общался с детьми, его холодное лицо теплело, будто озарялось светом.

При пансионе создали оркестр духовых инструментов и кружок по обучению игре на домбре. Был у нас четырехголосный хор – не в каждом доме культуры имелся такой коллектив. Много раз наши кружки художественной самодеятельности участвовали в городских, областных конкурсах и занимали почетные и призовые места. Я был завсегдатаем многих из них, да и вообще активно участвовал в общественной жизни пансиона – танцевал танцы разных народов, исполнял песни – как в хоре, так и соло, играл на мандолине, а в духовом оркестре – на второй трубе и альте. Когда я учился в десятом классе, меня, как отличника учебы, активно принимающего участие в общественной жизни школы, отправили на Кремлевскую елку в общую нашу столицу Москву.

В пансионе и система образования была особенной. Например, для детей из аулов была разработана ускоренная программа по изучению русского языка. В 9–10-м классах раз в неделю, по четвергам, устраивали день русского языка – всем классом обучались и говорили только на русском. Хотя некоторые предметы на русском давались нелегко, но мы очень старались. А на родном языке мы тогда проходили только казахский язык и литературу.

Сколько лет прошло, а мы всё еще пытаемся поднять статус государственного языка. Конечно, есть изменения в лучшую сторону, но они мизерны. Очевидно: у нас, к сожалению, больше голословного очковтирательства, чем конкретных действий. Почему-то все забывают, что всё исходит от желания и стремления ученика и ответственности учителя. Мы лично видели много таких русскоговорящих ребят, которые в 50–60-е годы безо всякого принуждения овладевали казахским языком и свободно на нем изъяснялись. Среда была такая. И казахов, и русских – всех объединяло стремление к знаниям. А в наши дни многие казахи, занимающие руководящие должности разного уровня, вовсе не придают значения важности обучения своих детей родному языку. Давно пора давать образование на казахском, вести делопроизводство на государственном языке, развивать его творчески. Многие государственные мужчины думают только о себе, живут одним днем. Пока основные сферы экономики полностью не перейдут на государственный язык, мы так и будем продолжать хромать в языковом вопросе.

Пролетели школьные годы

В десятом классе мы писали сочинение на свободную тему: «Кем я буду?» Кто-то мечтал стать отважным космонавтом, кто-то врачом, спасающим жизни людей, а кто-то учителем. Однажды, прямо перед зимними каникулами, к нам в школу пришел офицер из облвоенкомата и организовал встречу с учениками. С каждым из юношей беседовал отдельно. Когда мы с ним остались наедине, он сказал: «Я смотрю, ты хочешь стать военным. Если согласен, я могу помочь тебе, дам советы, помогу с подготовкой документов не куда-нибудь, а в Ленинградское Высшее военно-инженерное училище. Знания у тебя хорошие. Поступишь, наденешь красивую форму курсанта». Ох и взбудоражил он мою фантазию. Ну как я мог после этих слов отказываться? Естественно, решил

рискнуть. Собрал документы и в свободное от занятий время отнес их в военкомат. Даже помню, не один, а два раза проходил медицинскую комиссию при комиссариате. Никаких противопоказаний по здоровью не выявили. Оставалось только дожидаться получения аттестата, накинуть на плечи рюкзак – и в путь с песней «Встречай меня, Ленинград!». Но вначале я решил поделиться своим выбором с родными, мне хотелось их тоже порадовать. Написал письмо, где всё подробно изложил, и стал ждать ответа. И наконец-то, примерно спустя десять дней, ответ пришел. «Талапжан, дорогой, с одной стороны, я, конечно, рада твоему желанию дальше учиться и развиваться, что ты беспокоишься о своем будущем. Но, с другой стороны, я расстроена. Дед твой Темиргали всю жизнь прожил, переживая за своего единственного сына. В его смерти виню эту страшную войну. И могла ли я подумать, что свет мой Кабден, спасшийся от пуль и огня войны, вернувшийся домой живым, может утонуть в том самом Урале, где он плавал почти с рождения? Горюя по нему, я проплакала все глаза. И вот, когда я уже смирилась, ты такое придумал. Неужели в Казахстане нет институтов? Ну, хорошо, допустим, ты выучишься. Но ты же там найдешь себе рыжеволосую невесту и останешься на чужбине. Разве это я хотела от тебя услышать? Сколько тут мне осталось жить? Неужели ты думаешь, я не мечтаю увидеть своих правнуков, разделить с тобой все радости в твоей жизни? Солнце мое, жеребеночек мой, я очень расстроена».

Письмо было написано маминой рукой, а подпись стояла – «бабушка Хамида». Я никак не ожидал такого ответа. Еще несколько минут назад я был на седьмом небе от мысли: «Поеду в Ленинград! Поступлю в Высшее военное училище!» Прочел – и пришлось спуститься на землю. Но самое трудное было впереди: как об этом сказать своему «покровителю» из военкомата? Подумал и решил обратиться к своей учительнице по химии – Галине Махмутовне, которая была мудрой, а для меня великой женщиной. Она решила пойти в военкомат вместе со мной...

Я не раз убеждался в том, что всё, что ни происходит на земле, под солнцем, не случается просто так. И то, что без причины нет следствия – тоже истина. Следствием того решения стало то, что для продолжения учебы мне пришлось оказаться в славном городе Шымкенте. Мой отец учился здесь в партшколе. Приезжая на каникулы, постоянно с восторгом расхваливал город: «Боже мой, какая там красота – везде пышная зелень! Нет таких долгих зим, которые бы длились аж до полугода, как у нас в Уральске! Все условия созданы для выращивания хлопка – белого золота, кормилицы местного населения. И дороги у них везде заасфальтированы, в любую точку можно добраться легко и быстро, не так как у нас – бездорожье кругом. Вот окончишь школу, отправлю тебя в какой-нибудь институт в Шымкенте», – говорил он.

Расскажу о том, как я попал в этот богоугодный город. Через два месяца после получения письма от бабушки вопрос выбора профессии был так же актуален. Дни проходили один за другим, а я всё никак не мог принять решение – письмо оказалось судьбоносным и на данном этапе перевернуло мои планы. И вот в один прекрасный день я натолкнулся на небольшую статью в республиканской газете «Лениншіл жас», где Казахский химико-технологический институт в городе Шымкенте опубликовал условия приема абитуриентов. Оказалось, что студент, с отличием окончивший три курса общего технического факультета, четвертый курс обучения сможет продолжить в любом из технических вузов Советского Союза. Меня это вдохновило, и как только закончилась четвертая четверть, я сразу же отправил документы в институт.

После окончания пансиона моя любимая учительница Галина Махмутовна принялась готовить меня по химии у себя дома. Две недели мы упорно

занимались, не отрывая головы от учебной литературы. Думаю, в наши дни такие уроки стоят немалых денег. А моя Галина апай учила меня бескорыстно, придавала уверенность и настрой на обязательное продолжение учебы именно по этой специальности.

Удача сопутствует упорным и верящим в свое дело – я поступил. И это благодаря, во-первых, Всевышнему Аллаху, во-вторых, моему страстному желанию учиться, тем знаниям и воспитанию, что дали мне учителя нашего пансиона в Уральске. После напряженной двухнедельной подготовки, когда я уже был уверен в своих знаниях и силах, я поехал домой в Кырыккудык. Так как стояло лето, сезон сенокоса был в разгаре. Как обычно бывало на каникулах, в этот раз я так же помогал родным на поле. И вдруг мне приходит приглашение из Казахского химико-технологического института. В письме за подписью ответственного секретаря приемной комиссии Ибраева значилось: «Быть не позднее 28 июля».

Мы собрали вещи – они уместились в один черный чемоданчик. Мама дала мне немного денег, из тех, что были получены по страховке – отец перед смертью застраховал свою жизнь от несчастных случаев. Получается, он тем самым после кончины помог мне. Провожая меня в дальний путь, мама смотрела на меня взглядом, в котором читалась надежда. Я сердцем понимал, о чем хотят сказать ее едва сдерживающие слезы глаза. «Родной мой, сынок, да, ты рано потерял отца. Ты понимаешь, что некому тебя проводить до Шымкента. Сын мой, единственная опора для младших сестер и брата. Одна надежда только на тебя. Пусть Бог хранит тебя...» Этому молчаливому наставлению я был верен всегда и до сих пор храню его в своем сердце.

Рано утром я сел в кабину старенького водовоза, с водителем которого мама договорилась о моей доставке в Уральск, и двинулся во взрослую жизнь. Хотя, если говорить по большому счету, взрослым я уже был – смерть отца и надежда мамы на меня как на старшего в семье мужчину стали следствием раннего моего взросления. Весь неблизкий путь я волновался: как примет меня Шымкент? Уверенность в том, что всё будет хорошо, придавала память об отце, который уже ступал по земле этого края и был им весьма доволен. Но я и предполагать не мог, что самые яркие дни всей моей дальнейшей жизни пройдут именно в солнечном, гостеприимном Шымкенте. С высоты прожитых лет я понимаю, что годы, проведенные в этом городе, были для меня самыми результативными в плане моего мужского становления и полными ярких, благих, иногда судьбоносных событий...

Литературный перевод Василия ШУПЕЙКИНА

